

не до конца, хотя онъ уже не современенъ: новыя поколѣнія сморгать на него, какъ на давно преодоленную ступень. Мы считаемъ, что для новаго національнаго сознанія не бесполезно подвести итоги этому уже забываемому опыту поэта.

Тѣмъ самымъ я хочу сказать, что мы подходимъ къ нашей задачѣ не безкорыстно и не эстетически. Мы хотимъ обогатить черезъ Блока наше знаніе о Россіи.

Мы выбираемъ за отправной пунктъ «На полѣ Куликовомъ», потому что это произведеніе центрально (даже по времени — 1908): въ немъ сходятся концы и начала Блока, «Ante lucem» (1898) и «Скивы» (1918). Скажемъ заранее, послѣдней цѣлью нашей работы должно быть пониманіе «Скивовъ», послѣдняго слова Блока о Россіи. Ключъ къ нимъ — На полѣ Куликовомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, куликовскій циклъ, взятый самъ по себѣ, весьма загадоченъ. Онъ прямо требуетъ комментарія. Но, раскрывъ его смыслъ, мы непосредственно получаемъ и разгадку «Скивовъ».

1.

Рѣка раскинулась. Течетъ, грустить лѣживо
И моетъ берега.
Надъ скудной глиной желтаго обрыва
Въ степи грустятъ стога.
О Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь — стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.

Нашъ путь степной, нашъ путь
— въ тоскѣ безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!
И даже мглы, ночной и зарубежной

Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ
кострами

Степную даль.
Въ степномъ дымѣ блеснетъ
святое знамя

И ханской сабли сталь.
И вѣчный бой. Покой намъ
только снится

Сквозь кровь и пыль.
Летить, летить степная кобылица

И мнетъ ковыль...
И нѣтъ конца! Мелькаютъ версты, кручи...

Останови!
Идутъ, идутъ испуганныя тучи,
Закатъ въ крови!
Закатъ въ крови! Изъ сердца
кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...
Покоя нѣтъ! Степная кобылица
Несется вскачь!

Уже этотъ первый листокъ лирическаго пятилистника волнуетъ противорѣчивостью образовъ. Гдѣ мы? На берегахъ сѣверной рѣчки или въ южныхъ степяхъ? Грусть рѣчки и стоговъ, скудость глины указываютъ на великорусскій сѣверъ, близкій и родной поэту. Но кобылица его мнетъ ковыль! И почему она «степная» (дважды)? Символь степи здѣсь очень значителенъ, такъ какъ повторяется до пяти разъ. Конечно, степь, гдѣ «грустятъ стога», совсѣмъ не та степь, гдѣ растеть ковыль. Въ первомъ случаѣ степь взята вмѣсто луговъ, но взята умышленно, предваряя основ-

ную тему: тоска - печаль съвернаго поля вливается въ тоску - страсть южныхъ степей. Эта безбрежная тоска — «твоя, о Русь!» и вмѣстѣ съ тѣмъ она «пронзаеъ грудь стрѣлой татарской воли». Тоска Руси — татарская тоска. По-этъ мчится на бой съ татарской ратью, неся въ груди татарскую тоску по древней, степной волѣ. Вотъ основное противорѣчіе, опредѣляющее весь сдвигъ образовъ. Съ нимъ связано и другое. Степная воля лирически звучитъ по разному. Сначала это радостное упоеніе: «Я не боюсь... Домчимся. Озаримъ». И вдругъ ужась: «Останови!.. Испуганныя тучи... Плачь, сердце, плачь!». И такъ, вся пьеса проходитъ въ трехъ вариацияхъ основной темы степной тоски. Первая вариация: печаль и вѣрность («жена», «долгий путь»). Вторая — страсть; третья — отчаяніе. Переломы падаютъ на вторую и пятую строфы. «Стрѣла татарской воли» вторгается совершенно неожиданно, разрушая печальную вѣрность «долгаго пути». Но ужась отчаянія подготавливается ужасомъ вѣчной битвы: «Покой намъ только снится сквозь кровь и пыль». Выражаясь языкомъ этики, можно сказать, что преступленіе («кизмѣна») менѣе мотивировано, чѣмъ наказаніе.

Часто говорятъ, что въ лирикѣ романтическаго поэта, каковъ Блокъ, нельзя искать строгой четкости образовъ. Нельзя требовать соблюденія идеологическаго тождества. Это, конечно, вѣрно. Но вѣрно и то, что сдвиги смыслового значенія образа у Блока неслучайны: они отмѣчаютъ смѣну эмоциональныхъ тоновъ, рядъ

шаговъ, образующихъ опредѣленный путь, развитие темы. Вотъ почему мы считаемъ себя вправе подвергнуть этотъ лирической отрывокъ такому придирчивому анализу. Въ результатѣ анализа онъ не распался на куски, а обнаружилъ свой подлинный смыслъ. Смыслъ этотъ и есть настоящая тема всего пентаптиха. Последующія пьесы развиваютъ отдѣльныя темы, уже содержащія здѣсь: вторая и третья — тему вѣрности, четвертая — страстнаго отчаянія.

Легкіе и чистые хорен — какъ пѣсни дѣтства — объединяютъ вторую и третью пьесы, уже самой формой своей изолируя ихъ отъ стремительныхъ, отрывистыхъ ямбовъ первой и томящихъ, безвольныхъ амфибрахій четвертой. Тема вѣрности строга и проста. Ночь передъ битвой. Какъ въ аѳюписи, слушаюгъ голосъ земли. Не радостное ожиданіе боя, не мысль о побѣдѣ, — жергвенная обреченность «сказанія о градѣ Китежѣ», «Не вернуться, не взглянуть назадъ.» «Свѣтлый стягъ надъ нашими полками не взиграетъ больше никогда» И эта покорная жертва смиренна: «Я не первый воинъ, не послѣдній». Погибнуть, раствориться въ жертвѣ народной. Ея молитвенный обрядъ, церковный, всенародный — единственная чаемая награда. Робка и скромна личная нота въ заключительномъ призывѣ къ свѣтлой женѣ — «помянуть за раннею обѣдней мила друга»

Отъ смиренія и жертвенной вѣрности къ радости любви услышанной, къ восторгу неземныхъ видѣній. Въ третьемъ стихотвореніи отходятъ въ даль грозвые

голоса битвы, становясь лишь предвѣстниками таинственной встрѣчи. «Въ темно́мъ полѣ́ были мы съ Тобой» — Только двое, я и Ты. Русь, «жена моя» первой пьесы, «свѣтлая жена» (съ маленькой буквы), земной образъ иной, Свѣтлой, здѣсь отступаетъ среди Ней, безымянной, называемой Ты. Свѣтлое видѣніе оставляетъ на щитѣ друга свой «нерукотворный ликъ», который будетъ его эгидой передъ «черной тучей орлы» «Свѣтеть навсегда!»

Навсегда?

«Опять съ вѣковой тоскою
Пригнулись къ землѣ ковыли,
Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали.»

Срывъ послѣ мистическаго подъема голокружительно рѣзокъ:

Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны,
И я съ вѣковой тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной,
Не знаю, что дѣлать съ собою.
Куда мнѣ летѣть за тобой!
Я слушаю рокоты сѣчи
И трубные клarki татаръ,
Я вижу надъ Русью далече
Широкой и тихой пожаръ.

Русь далеко. Кругомъ татарская степь. Вчерашній воинъ бѣлаго стяга безцѣльно рыщетъ во власти темной, вражьей стихіи.

Вздываются свѣтлыя мысли
Въ растерзанномъ сердцѣ моемъ,
И падаютъ свѣтлыя мысли,
Сожженыя темнымъ огнемъ...

Въ безцѣльной борьбѣ съ собою, онъ еще не измѣнникъ, онъ находитъ силы молить исчезающую:

— Явись, мое дивное диво!

— Быть свѣтлымъ меня научи!

Но онъ забываетъ ея лицо, онъ сомнѣвается въ ея природѣ. Онъ пишетъ ее съ маленькой буквы. Кто она, небожительница или смертная?

Заключительная пьеса не разрѣшаетъ противорѣчя; она двигаетъ его рѣшеніе въ будущее. Сдержанное опокойствіе почти классическихъ ямбовъ лишь приглушило остроту напряженности. Мы возвращаемся къ исходному положенію:

Опять надъ полемъ Куликовымъ

Взошла и расточилась мгла...
Доспѣхъ тяжелъ, какъ боемъ,
Теперь твой часъ насталъ.
Молясь!

Молись о томъ, чтобы быть вѣрнымъ, быть «свѣтлымъ навсегда», чтобы сдѣлать послѣдній выборъ. И однако, послѣ пережитаго опыта, мы менѣе всего увѣрены въ томъ, каковъ будетъ этотъ выборъ. Не въ смиреніи, не въ жертвенной готовности встрѣчать позъ «начало высокихъ и мятежныхъ дней». Мятежныхъ? Развѣ смерть за святое знамя — дѣло мятежа, хотя бы и высокаго? Упоеніе битвы манитъ «Не можетъ сердце жить покоемъ». Но мы уже знаемъ это. «Покой намъ только снится... Покоя нѣтъ». Это воетъ степная тоска, страстный

вѣтеръ надъ ковылевымъ просторомъ. Духъ безпокойства и мятежа поэтъ уже прочно связалъ съ татарской стихіей. Это противъ него бросаетъ онъ свое послѣднее заклятіе: «Молись!» Но до конца остается темнымъ: когда настанетъ часъ послѣдней битвы, которая для Блока была не поэтической фикціей, а реальнымъ ожиданіемъ всей жизни, въ чемъ онъ будетъ станѣ, въ русскомъ или татарскомъ?

2.

Ставя такъ вопросъ, мы, можетъ быть, стаимъ его неправильно. Мы уже видѣли, что для Блока «путь татарской воли» есть путь Руси. Измѣна Руси была бы невозможна безъ измѣнчивости ея собственнаго образа. Самый мотивъ измѣны нами не вымышленъ, не вложенъ насильственно въ лирической циклъ Куликова поля («темныя мысли», «дикія страсти»). Но все же мы провели глубокой разрѣзъ тамъ, гдѣ у поэта едва намѣченные рубцы. Онъ пожелалъ скрыть свою измѣну въ игрѣ мѣняющагося лица Руси. Но не пожелалъ скрыть до конца. Сама тема Куликова поля требуетъ безопаднаго раздѣленія двухъ стихій («биться съ татарвою»). Блокъ сознавалъ и эту неизбежность и личную для себя невозможность безповоротнаго выбора. Отсюда неразрѣшенность конфликта. Для насъ же встаетъ задача: выяснитъ, какъ возникло и какой смыслъ имѣетъ въ поэзіи Блока раздвоеніе лица Россіи.

Тема Россіи у Блока начинаетъ звучать съ особой силой въ послѣдній періодъ его творчества.

Но уже третья пьеса Куликовскаго цикла прямо говоритъ намъ — предполагая, что мы этого не знаемъ, — что Россія — родина для Блока есть одно изъ воплощеній Той, о которой онъ пѣлъ сначала подъ псевдонимомъ Прекрасной Дамы. Это заставляетъ неизбежно связывать тему Россіи съ основною — въ сущности, единственной темой Блока. Но, говоря объ общезвѣстномъ, можно быть краткимъ.

Поэзія Блока растетъ и крѣпнетъ въ разложеніи единаго образа, озарившаго его юность. Онъ идетъ путями творческихъ падений, обогащающей нищеты. Его талантъ вскормленъ и вскормленъ кровью погибающей личности. Многоликость Прекрасной Дамы не просто рядъ иконъ, воплощеній, но рядъ измѣнъ. Въ дни безбурныхъ восторговъ его гложетъ предчувствіе, и съ поразительной четкостью онъ предрекаетъ собственную судьбу:

Весь горизонтъ въ огнѣ и
    близко появленье
Но страшно мнѣ: измѣнишь
    обликъ Ты
И дерзкое возбудишь подозрѣ-
    нье,
Смѣнишь въ концѣ привыч-
    ныя черты.
О, какъ паду—и горестно и
    низко,
Не одолѣвъ смертельныя меч-
    ты! 1).

Уже здѣсь его грядущая измѣна оправдывается многоликостью Ея, какъ бы Ея обманомъ.

1) Датировано 1 іюня 1901 г., с. Шахматово.

Въ роковой годъ (1902) «Свершений» (Ст. о Пр. Д. IV), когда демоническіе соблазны начинаютъ искушать поэта, онъ высказываетъ вслухъ свое подозрѣніе:

Въ тебѣ таятся въ ожиданьи
Великій свѣтъ и злая тьма...

и готовъ уже видѣть во лжи и обманѣ природу вѣчной женственности:

Я люблю эту ложь, этотъ
блескъ,

Твой манящій дѣвичій нарядъ...
Какъ ты лжива и какъ ты бѣла!
Мнѣ же по сердцу бѣлая ложь...

Бѣлая — запомнимъ эпитетъ —
это все та же, о которой онъ только что пѣлъ:

Бѣлая Ты, въ глубинахъ не-
смуглима...

Всегда, въ часы холодныхъ раздумій, въ часы «возмездій» поэтъ опредѣляетъ свой жизненный путь, какъ путь измѣнъ:

Ты предъ вѣчностью полонъ
измѣнъ,

и видитъ свой жребій отмѣченнымъ въ кругѣ безысходныхъ повтореній: «любить Ее на небѣ, и измѣнить ей на землѣ».

Конечно, эта онтологическая измѣна опредѣляетъ и указанный выше законъ его поэзии: постепенные сдвиги образовъ, мѣняющихся своей смысломъ.

Мы, разумеется, не будемъ слѣдить за всѣми масками, въ какихъ является Прекрасная Дама. Намъ интересуютъ лишь образъ Россіи. Его значеніе, по истинѣ, особое, несравнимое съ дру-

гими. Слово «маска» всего менѣе къ нему приложимо. Средневѣковая дама, Снѣжная дѣва, Коломбина, Незнакомка — всѣ онѣ носятъ печать призрачности, воздушной грезы. Поэтъ сознательно отдается ихъ обману, лишь провидя въ ихъ чертахъ неизмѣнный ликъ. Потому руки его неизбежно обнимаютъ пустоту, а душа опалена «языками преисподняго огня». Къ Россіи, родинѣ онъ возвращается, ища спасенія отъ обмановъ, какъ къ подлинной правдѣ. Россія — и только Россія — есть дѣйствительное воплощеніе Дѣвы, т. е. живая плоть, а не романтическая мечта. Прикасаюсь къ родной землѣ, — поэтъ перестаетъ быть романтикомъ, въ жаждѣ подлинной, вѣрной земной любви. Не потому, чтобы его «обольстили» образъ Россіи, а потому, что безъ Россіи онъ больше не въ силахъ жить.

Онъ готовъ принять ее такой, какова она есть, родной ему въ святомъ и грѣшномъ, чтобы, приобщившись къ ея могучей жизни, исцѣлится въ ней свое больное «я».

Но до этого возвращенія къ родинѣ какой долгій, мучительный путь!

Долгіе годы память германской крови боролась въ поэтѣ съ памятью родины. Онъ чувствуетъ себя «потомкомъ сѣвернаго скальда»; его тянетъ въ романское средневѣковье, въ міръ скандинавскихъ сагъ. Рейнъ, Гейне, Сольвейгъ, Ночная Фіалка, короли, рыцари и дамы — вотъ міръ, въ которомъ живетъ поэтъ, который сливается для него даже съ землей петербургскихъ окраинъ («Ночная Фіалка») и съ петер-

бургскимъ взморьемъ (тема «Кораблей»). Но уже русскіе мотивы сперва робко и отдаленно, прорѣзываютъ эту сложную музыку.

Въ «Стихахъ о Прекрасной Дамѣ» (1901 — 2), даже въ «Ante lucem» (1898 — 1900), столь отрѣшенныхъ и безкровныхъ, есть нѣкоторый конкретный фонъ: земной пейзажъ. Небесная лазурь и поясъ зорь — обычное мѣсто дѣйствія, или даже дѣйствующее Лицо. Тамъ, въ небесахъ, разыгрывается подлинная драма, въ борьбѣ свѣта, тьмы и облаковъ. Но и земля служитъ подножіемъ небснаго театра. Линіи пейзажа даны скупо, какъ на иконѣ, но они конкретны, они безошибочно характеризуютъ родной поэту русскій, подмосковный ландшафтъ: «Роша у оврага, зеленый холмъ... Море клевера... Бѣлая церковь вдали... Камыши, осока... Кругомъ далекая равнина, да толпы обгорѣлыхъ пней».

Они повторяются, эти намеки, и бѣлая церковь, и клеверъ и камыши, свидѣтельствуя о памяти родной, не пригрезившейся земли. Есть одна деталь, которая, какъ мы знаемъ изъ книги Бекетовой, характерна именно для шахматовскаго пейзажа:

Тамъ надъ горой твоей высокой
Зубчатый простирался лѣсъ.

Этотъ образъ, прочно связанный съ закатнымъ видѣніемъ Дѣвы, расширяется до космическаго значенія: «зубчатой земли».

Надъ русской землей поднимается русское небо, въ огняхъ зари горятъ небесные терема Ца-

ревны, съ узорной рѣзбой коньковъ, съ крыльцомъ, «словно паперть», подъ гулъ колокольныхъ звоновъ. Войди въ «узурчатую дверь» и увидишь «узурную скатерть»; въ углу образа и красныя лампадки. Здѣсь царица смотритъ заставки, «буквы изъ красной позолоты», царевна кормитъ бѣлыхъ голубей, и обликъ ея рисуется чертами русской сказочной красоты: «молодая, съ золотой косою, мѣсяцъ и звѣзды въ косахъ». Поэтъ самъ тогда чувствуетъ себя героемъ русской сказки:

Входи, мой царевичъ, привѣт-
ный...
Мой любимый, мой князь, мой
женихъ.

Изрѣдка теремъ царевны расширяется въ сказочную страну, въ преображенную Русь, гдѣ въ вечеръ подъ вербную субботу идутъ боярышни, гдѣ царю и боярамъ снятся заморскіе гости. Почти всюду на неясномъ бытовомъ фонѣ этой фантастической Руси икона, свѣча, лампадка, кротая поэзія церковнаго обряда.

Весь этотъ міръ образовъ совершенно лишенъ плотности, тяжести, характерной для условно-національнаго русскаго стиля. Изъ какихъ впечатлѣній строится этотъ міръ? Мы видѣли отраженія русскаго искусства (деревянное зодчество сѣвера, книжная миниатюра), русской сказки, пѣсни, духовнаго стиха и церковнаго обряда. Это міръ, построенный изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и живописная Русь, открытая Васнецовымъ, Билибинимъ, Нестеровымъ на рубежѣ XX-го вѣка. Русь Блока еще болѣе воздушна, без-

плотна, ирреальна. Ея идея — дѣвическая чистота и мужская вѣрность. Это святая, «бѣлая» Русь. За лазурью неба, за алыми зорями, именно бѣлый цвѣтъ особенно дорогъ поэту (см. выше: «Бѣлая Ты»).

Прилетали бѣлыя птицы...
И плескались бѣлыя перья...

Бѣлая рука, бѣлый, бѣлогрудый конь, бѣлые цвѣты и даже бѣлыя слова... Тотъ же смыслъ имѣетъ первоначально образъ снѣговъ:

— Отошла я въ снѣга безъ возврата—

прежде чѣмъ обернуться синей метелью и заморозитъ поэта недобрѣмъ колдовствомъ. Для Блока «Прекрасной Дамы» бѣлый цвѣтъ столь же характеренъ, какъ синий романтический цвѣтъ для поэта «Снѣжной Маски» и «Незнакомки».

Какъ ни слабо намѣченъ у раняго Блока русскій пейзажъ и образъ сказочной Руси, но, сжившись съ ними, нельзя не почувствовать между ними нѣкотораго противорѣчя. Средне - русскій московскій пейзажъ Блока слишкомъ спокоенъ, реаленъ, цвѣтущъ для пригрѣзившагосярая и для томящейся по немъ души. Съ годами Блокъ сознаетъ это и навсегда отказывается отъ «зеленаго пира» земли. Въ одномъ изъ стихотвореній второго тома, въ Кольцовскихъ хоряхъ поэтъ убѣдительно показываетъ, почему для него невозможно Кольцовское, навивно - радостное упоеніе родной природой:

Не мани меня ты, воля,
Не зови въ поля!

Но здѣсь дана уже сложная мотивация. Съ обычнымъ для Блока сдвигомъ образовъ и эмоциональных тоновъ поэтъ дѣлаетъ здѣсь два, въ сущности, противоположныхъ признанія. Языческое слияніе съ родной землей для него невозможно потому, что онъ получилъ религиозное посвященіе отъ «бѣлой руки» (это въ прошломъ), но оно невозможно и потому, что онъ живетъ, въ настоящемъ, съ опустошенной, нищей душой.

Мы понимаемъ, почему шахматовскія поля и роци не вернутся въ стихахъ поэта, но не вернутся и розовые, сказочные образы «Бѣлой Руси». Но объ этомъ позже. Сейчасъ же необходимо указать, что въ русскія темы пѣвца Прекрасной Дамы врѣзывается еще одинъ, всего болѣе волнующій насъ мотивъ: чувство историческаго рока. Поэтъ переживаетъ его въ прошломъ родины, передъ Васнецовскимъ Гамаюномъ, который

Вѣщаетъ иго злыхъ татаръ,
Вѣщаетъ казней рядъ кровавыхъ,
И трусь, и голодь, и пожаръ,
Злодѣевъ силу, гибель правыхъ

Онъ читаетъ этотъ рокъ и въ грядущемъ, по какимъ-то ему одному вѣдомымъ знаменіямъ времени. Мы уже видѣли примѣры его историческаго ясновидѣнія. Особенно поразительно извѣстное стихотвореніе «Все ли спокойно въ народѣ?» съ его страшнымъ призракомъ «народнаго смирителя» («Распутья» 1902 — 4).

Заканчивая этотъ анализъ, подчеркиваемъ, что образъ Руси у ранняго Блока складается изъ трехъ элементовъ: въ него входитъ среднерусскій, подмосковный пейзажъ, религиозно - сказочное воспріятіе древне - русской культуры (Бѣлая Русь) и прозрѣніе русскихъ историческихъ судебъ, всегда трагическихъ. Все это только намѣчено, очерчено блѣдно, какъ и вообще русскія темы тонуть въ массѣ иныхъ, по большей части отвлеченныхъ темъ, вдохновляющихъ пѣвца Прекрасной Дамы.

3.

Когда совершилось неизбежное — «Ты въ поля отошла безъ возврата» (или «въ снѣга»), — поэтъ очнулся на землѣ. Но это не твердая, цвѣтущая земля, а наиболѣе зыбкая, наиболѣе фантастическая, ирреальная изъ земныхъ стихій, сродни облакамъ и туманамъ, — болота, «пузыри земли». По его признанію, онъ не можетъ «говорить безъ волненія» объ этихъ пузыряхъ земли, читая о нихъ въ «Макбетѣ». Тема болотъ чрезвычайно характерна для всѣхъ нашихъ символистствъ; она отвѣчаетъ общему для нихъ ощущенію жизни, какъ таинственнаго тлѣнія. Въ этомъ символѣ заключена порочность, и вмѣстѣ беззащитность, обреченность, тоска по нѣжной смерти. Каждый по своему переживаетъ эту волнующую тему. У Блока пузыри земли пережиты наиболѣе чисто и даже религиозно. Не здѣсь, не въ тлѣнѣ плоти таились его демоническія искушенія. Какъ это ни странно, въ недвижной тиши-

нѣ болотъ поэтъ видитъ образъ вѣчности и вѣрности, нетлѣнія сквозь вѣчный тлѣнъ:

Полюби эту вѣчность болотъ...
Этотъ кустъ безъ ислѣнія
тощъ.

Опускаясь такъ глубоко на дно земли, онъ еще видитъ надъ собой «алую ленту» зорь своей подруги и клянется ей въ вѣрности:

Я съ тобой — навсегда, не уйду
никогда

И осеннюю волю отдамъ.
Здѣсь спасеніе отъ страстей, отъ
дикой воли, въ смиренной покорности.

Мнѣ болотная схима — желанный
покой.

Но, конечно, поэтъ обманываетъ себя, видя «ласку подруги» въ «старинѣ озаренныхъ болотъ». Тамъ онъ оказывается совсѣмъ въ другомъ обществѣ — «тварей весеннихъ», «болотныхъ чертенятъ», «болотныхъ попиковъ». Дѣтски - трогательныя, смиренныя твари, но, разумѣется, некрещенныя, разумѣется «нежить, немочь водъ». И поэтъ спускается въ эти низы тварнаго міра, лишеныя сознанія добра и зла.

Душа моя рада
Всякому гаду,
Всякому звѣрю
И о всякой вѣрѣ

Поэтъ сливается съ этимъ міромъ въ забвеніи, въ утратѣ своей личности:

Я какъ ты, дитя дубравъ,
Ликъ мой такъ же стертъ...

Мы — забытые слѣды
Чьей — то глубины.

Это ужъ не смиреніе только, не униженіе, а уничтоженіе «я», отказъ отъ безсмертія. Запомнимъ эту черту: готовность къ онтологическому отреченію отъ своей личности, безмѣрность въ нисхожденіи, — она характерна и для нѣкоторыхъ моментовъ въ отношеніи Блока къ Россіи.

Изъ этихъ болотъ она и возникаетъ — новая, уже не сказочная Русь Блока. Какъ ни зыбка болотная почва, это все же почва, земля. Поэтъ реально соприкоснулся съ ней, реально пережилъ землю — мы знаемъ гдѣ: въ болотныхъ окрестностяхъ Петербурга во время своихъ уединенныхъ скитаній, о которыхъ онъ рассказалъ намъ въ «Ночной Фіалкѣ». Въ Шахматовѣ цвѣтущая земля почти не останавливала его взоровъ, прикованныхъ къ небеснымъ пейзажамъ. Въ Петербургѣ онъ впервые полюбилъ землю, отдался стихіи болотъ, нища потерять въ нихъ свое разлюбленное «я». Петербургскія болота открыли для него аскетическую красоту сѣверной Россіи и ея религиозную идею. «Болотная схема» принимаетъ конкретныя формы, и изъ болотъ возникаетъ монастырь:

Я живу въ отдаленномъ скиту...

Болота отвердѣваютъ въ сѣверно — русский пейзажъ, можетъ быть воспринятый не безъ вліянія Нестерова, и на этой скудной и нищей землѣ происходитъ первая встрѣча Блока съ Христомъ. Въ стихотвореніи «Вотъ Онъ — Христосъ — въ цѣпяхъ и розахъ» неприятной фальшью звучитъ начало: здѣсь есть привкусъ розен-

крейцерства, религиозное ощущение Андрея Бѣлаго. Блокъ почему-то дорожитъ этимъ символомъ розы, когда рѣшается говорить о Христѣ: таковъ Христосъ «Двѣнадцати». Но дальне образъ Христа развивается въ полномъ единствѣ съ «окладомъ убогой природы»:

Единый, Свѣтлый, немного гру-
стный —

За нимъ восходитъ хлѣбный
злакъ,

На пригоркѣ лежитъ огородъ
капустный,

И березки и елки бѣгутъ въ ов-
рагъ.

И все такъ близко, и такъ да-
леко,

Что, стоя рядомъ, постичь не-
льзя,

И не постигнешъ синяго Ока,
Пока не станешь самъ, какъ

стезя...

Пока такой же нищій не будешь,
Не ляжешь, истоптанъ, въ глу-

хой оврагъ,

Обо всемъ не забудешь, и все-
го не разлюбишь,

И не поблкнешъ, какъ мерт-
вый злакъ.

«Глухой оврагъ», «истоптанная стезя» повторяютъ тему болотнаго смиренія, и нищій Христосъ выступаетъ на фонѣ нищей Руси почти, какъ символъ небытія.

Но это смиренное небытіе недо-стижимо. Покой болотъ смѣняется тоской осенняго безвременья, уничтоженіе — распятіемъ. Алые грозди рябины въ ржавой листьѣ — какъ капли крови. Онъ самъ, поэтъ, вознесенъ на крестъ надъ свинцовой рябью осеннихъ рѣкъ «спредъ ликомъ родины суровой».

И видеть:

...по рѣкѣ широкой
 Ко мнѣ плыветъ въ челнѣ Хри-
 стось.
 Въ глазахъ такія же надежды,
 И то же рубище на Немѣ.
 И жалко смотреть изъ одежды
 Ладонь, пробитая гвоздемъ.

Христось теряетъ послѣдніе
 знаки божественности, превраща-
 ясь въ двойника поэта. Уничжен-
 ный ликъ становится жалкимъ, и
 распятіе безнадежнымъ. Блокъ
 могъ религиозно пережить лишь
 Сына Человѣческаго, соблазнен-
 ный идеей своего съ нимъ едино-
 ошій. Онъ и самъ знаетъ, что
 его Христось — «не воскресій»

Не забудемъ этихъ, какъ бы не-
 значай брошенныхъ словъ:
 «предъ ликомъ родины». Они го-
 ворятъ о томъ, что и осенняя то-
 ока земли и образъ Христа для
 поэта слились въ нераздѣльное
 ощущение родины. Ея ликъ ста-
 новится все болѣе четкимъ, и на-
 ступаетъ моментъ, когда онъ, на-
 конецъ, уже не просвѣчиваетъ
 сквозь сѣверный пейзажъ, а одѣ-
 вается въ него. Есть разница ме-
 жду живымъ ощущеніемъ родины,
 которое всегда было свойственно
 Блоку, и отношеніемъ къ ней,
 какъ къ живому лицу. Отнынѣ
 уже не небесная Подруга и не
 Христось принимаютъ его пѣсни,
 а живая родина, Русь, Россія.

Какъ характерно для Блока, что
 рожденіе этой новой его любви
 связано съ новымъ — для мораль-
 наго суда — паденіемъ. Сѣверная
 аскетическая Русь обращается къ
 поэту новымъ ликомъ: кровь ря-
 бинъ, пѣсня дождя и вѣтра,
 вдругъ начинаютъ звучать для

него не крестной мукой, а хмель-
 нымъ разгуломъ:

Разгулялась осень въ мокрыхъ
 долахъ,—
 Обнажила кладбища земли.
 Но густыхъ рябинъ въ проѣз-
 жихъ селахъ
 Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.
 Вотъ оно, мое веселье, пля-
 шеть...

Навстрѣчу этому призыву
 «осенней воли» откликается без-
 умная, хмельная душа поэта, и
 онъ торжественно и нѣсколько
 декларативно совершаетъ свой
 выходъ въ Русь: «Выхожу я въ
 путь»...

Буду слушать голосъ Руси
 пьяной...
 Приюти ты въ даяхъ необъя-
 ныхъ!
 Какъ и жить и плакать безъ те-
 бя!

Впервые Русь, родина — «ты»,
 живая, хотя совсѣмъ не святая —
 мать ли, жена ли, любовница? —
 съ которой поэтъ связываетъ се-
 бя вѣчнымъ, на этотъ разъ неру-
 шимымъ обѣтомъ:

Твой просторъ навѣки полюбо-
 лю...

Много разъ еще измѣнить свой
 обликъ Русь, но поэтъ уже ни-
 когда не измѣнитъ ей.

4.

Мы по необходимости изолиру-
 емъ тему Россіи у Блока и от-
 казываемся показать жизнь обра-
 за Россіи въ общемъ лирическомъ

потокъ его творчества. Задача эта и невыполнима въ точномъ и строгомъ смыслѣ впродъ до установленія хронологической сѣтки его «Трудовъ и Дней». Впрочемъ, хронологія здѣсь не имѣетъ рѣшающаго значенія. Несомнѣнно, что первые звуки Россіи раздались еще тогда, когда поэтъ былъ плѣнникомъ «Снѣжныхъ Масокъ» и «Незнакомокъ». Долго еще продолжается перебой послѣднихъ «арфъ и скрипокъ» и новыхъ пѣсенъ родины. Но что изъ того, что «Пѣсни Родины» и «Возвездія» одновременны? Тематически непосредственно ясенъ переходъ отъ

«Я пригвожденъ къ трактирной стойкѣ
къ «Осенней волѣ»:

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ
хмелю.

До этого момента зарождение и ростъ русской темы протекаютъ на заднемъ планѣ, какъ мотиль побочный, лишь теперь становящійся лейтъ - мотивомъ. Этотъ прорывъ темы Россіи совпадаетъ съ нарастаніемъ реализма въ поэтической стихіи Блока и выражается, какъ мы сказали, въ очеловѣченіи образа родины.

Новая Россія Блока сразу раскрываетъ свое женское лицо. Для всякаго народа стихія родины, какъ стихія материнская, является въ женскомъ ликѣ. Для Блока это, конечно, не могло быть иначе, хотя сыновнее чувство къ Россіи ему чуждо. Его отношеніе къ ней всегда эротично. Какъ образъ любимой, она не терпитъ въ себѣ никакихъ мужскихъ чертъ. Въ

Россіи Блока нѣтъ мѣста мужику, нѣтъ мѣста и трудовой страдѣ, которая разрушаетъ эротическое созерцаніе. Одно это проводитъ пропасть между Блокомъ и народническими поэтами, у которыхъ (Кольцова, Некрасова) онъ заимствуетъ ритмы. Это отличаетъ его и отъ молодыхъ крестьянскихъ поэтовъ, воспитавшихся на немъ.

Разумѣется, у Блока нѣтъ и слѣдовъ аристократическаго презрѣнія къ народу, какъ къ трудящимся низамъ. Онъ всегда остро болѣлъ ихъ страданіями. Но, какъ пѣвецъ нищеты и горя, Блокъ зналъ лишь петербургскую улицу, рабочихъ, швейекъ, проститутокъ, — крестьянской міръ остался ему чуждымъ. Голосъ мужицкой Руси не доходилъ до его сознанія. Онъ бродилъ по русскимъ дорогамъ, глухой къ этимъ звукамъ, слѣпой ко всему, кромѣ родной земли и женскихъ лицъ, сливающихся въ одно лицо:

... лѣсъ да поле,
Да плачь узорный до бровей...

Женское лицо облекается въ пейзажъ и характеризуется культурно - этнографически («узорный плачь»). Мы узнаемъ дѣтъ стихіи изъ трехъ, изъ которыхъ слагался образъ родины въ циклѣ «Прекрасной Дамы». Скоро съ ними соединится и третья—стихія историческаго рока — получая преобладаніе въ послѣднихъ стихахъ Блока о Россіи. Но и пейзажъ, и культурная печать измѣнились. Вмѣсто древняго искусства — живая этнографія, вмѣсто средне - русскаго пейзажа — пока — сѣверная Русь.

Эта сѣверная Русь является по-эту, естественно, не въ лѣтнемъ или весеннемъ убранствѣ, а въ слезахъ осеннихъ дождей или погребенная въ зимнихъ сугробахъ. Мы видѣли двойное значеніе осени для Блока: вольный разгуль и распятіе. Есть въ осени и третій смыслъ, — тоже знакомый намъ: смыслъ болотнаго покоя и уничтоженія. Когда стихаетъ вѣтеръ и дождь, «осенній день высокъ и тихъ», и въ сжатыхъ поляхъ, гдѣ стелется дымъ надъ овиномъ, слышенъ плачь улетающихъ журавлей.

И низкихъ, нищихъ деревень,
Не счастье, не смѣрять окомъ..

О нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?

Ницета любимой пронзаетъ до боли обнищавшее сердце поэта и связываетъ ихъ неразрывнымъ кольцомъ, «перстнемъ - страданьемъ». Только такой и только здѣсь Русь для него жена, а не любовница.

Это поле, да еще сжатое, — самая безстрастная и самая строгая черта родного лица. Но во всѣхъ осеннихъ освѣщеніяхъ — въ пасмурный, тихій день, въ разгуль вѣтровъ и въ распятіи осенней смерти — ощущается единство этого лица. Одна и та же на разныхъ путяхъ страданія, родина остается чистой, нестрашной, Христовой. Но движеніе образа только началось. Съ Россіей повторяется, съ роковой необходимостью, то же, что было съ Прекрасной Дамой. По мѣрѣ того, какъ поэтъ вглядывается въ ея лицо, онъ открываетъ въ немъ иныя,

пугающія его черты. Начинается дрожаніе, разложеніе лица на множество измѣчивыхъ ликовъ. Съ одною разницей. Это разложеніе Россіи есть въ то же время ея познаніе. Именно здѣсь творчество Блока достигаетъ такой объективности, которая дѣлаетъ его для насъ равнозначнымъ историческому открытію. Воскрешается изъ забвенія, собирается по черточкамъ таинственное для насъ, оживающее нынѣ въ исторіи лицо Россіи.

Опасное изслѣдованіе начинается съ русскаго сѣвера, съ легкой перемѣны пейзажа.

Задебренныя лѣсомъ кручи:
Когда - то тамъ, на высотѣ,
Рубили дѣды срубъ горючій
И пѣли о своемъ Христѣ.

Историческая память — раскольничьи срубы — вдвигаетъ образъ пейзажа въ даль вѣковъ. Прошлое живо и понынѣ. «Лѣсныя капли» зарождающихся здѣсь ручьевъ

Несутъ испуганной Россіи
Вѣсть о сжигающемъ Христѣ.

Поэтъ вдругъ увидѣлъ въ древней Руси чуждый ликъ Христа — словно Спасъ — Ярое Око глянулъ на него съ новгородской иконы.

Но не только грозный Христосъ пугаетъ его въ сѣверной Руси. Ему мерещатся въ ней колдовскія, языческія чары.

Лишь мохъ сырой съ обрыва
виснетъ,
Какъ вѣдмы сбитая кудель.

Но чары дѣйствуютъ. Образъ

На вспѣнномъ скажунѣ.
— Долго ль будешь лягать
цѣпью?
— Выходи плясать ко мнѣ!

Кто эта цѣпная Млада, «дикой вольности сестра»? Что - то не вѣрится въ ея славянское имя. Цыганка ли она, любительница «краденыхъ кладовъ», или иная тяжелая кровь струится въ ней, — но тема степей сразу же ассоциируется съ неславянской стихіей. А гдѣ же настоящая, «привольная» Русь со «свѣтлыми глазами»? («Вольныя Мысли») съ просторомъ полей и безгрѣшной любовью? Мы уже видѣли, говоря о Блокѣ «Прекрасной Дамы», почему для него невозможно сліяніе съ «земнымъ пиромъ» земли. Одишь лишь разъ Блокъ сдѣлалъ попытку облечь свою русскую любовь въ свѣтлыя, славянскія одежды:

— Здравствуй, князь.
— Вотъ здѣсь у меня — кустъ
бѣлыхъ розъ.
— Вотъ здѣсь вчера повиллика
вилась.

Но и князь и повиллика лишь отголоски юношеской грезы пѣвца «Прекрасной Дамы»:

Повилликой средь нивъ золотыхъ
Завилась я на томъ берегу.

Нѣтъ, Блоку чужда славяно-фильская Русь, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ Русь народническая. Русь для него не икона, и боится онъ, смотря на нее, новыхъ обмановъ. Всѣ мы знаемъ, что нѣтъ предѣловъ низости, гдѣ от-

рекса бы онъ отъ Россіи («Грѣшить безстыдно») — скорѣе отъ Христа отречется:

Въ туманѣ, да въ бурьянѣ,
Гляди — продашь Христа
За жадныя герани,
За алыя уста!

Неразрывно связаны: славянская стихія, просторъ полей и славяно - фильская, идеализированная Москва. Блокъ, несомнѣнно, не любитъ Москвы. Объ этомъ мы догадываемся уже по его молчанію. Случайныя воспоминанія о «прозрачной нѣжности Кремля въ часъ утра чистый и хрустальный» не въ счетъ для него, пѣвшаго Петербургъ. Не повѣривъ въ святую Москву, Блокъ разглядѣлъ мрачную тяжесть ея историческаго призванія:

Русь моя, жизнь моя, вмѣстѣ ль
намъ маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермакъ, да
тюрьма..

Онъ, который готовъ простить ей все, теперь грозитъ разрывомъ любовной связи, вспоминая московскую «тѣму». Конечно, это безсильная угроза навѣки прикованнаго сердца. Но его любовь къ роднѣ зорка, какъ ненависть. Подъ его мучительнымъ взоромъ распадается историческій миѣръ Россіи, оставляя тяжелое сомнѣніе:

Знала ли что, или въ Бога ты
вѣрила?
Что тамъ узнаешь изъ пѣсенъ
твоихъ?
Чудь начудила, да Мера намѣ-
рила

Гатей, дорогъ, да столбовъ вер-
стовыхъ.

Знакомый миръ: финская Русь
для поэта реальнѣ славянской.
Историческій подвигъ Руси не
удался:

до Царьградскихъ святынь не
дошла...
Соколовъ, лебедей въ степь
распустила ты —
Кинулась изъ степи черная
мгла.

Изъ разложенія старой славя-
нофильской схемы святой Руси
рождается новая философія ея
исторіи: финская сѣверная Русь
отважилась на бой со степной,
татарской стихіей и въ этой борь-
бѣ тьма одолѣла ее. Вражескую
тьму она приняла въ себя, и съ
той поры

Дико глядится лицо онѣмълое,
Очи татарскіе мечуть огни...
Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь надъ становьемъ
твоимъ.

Русь сама обратилась въ ханское
кочевье, — оттого тяжесть и тьма
Москвы. И напрасно поэтъ про-
клинаетъ свою любовь, отмалчи-
вается на призывъ Млады. Голосъ
татарской Руси громко звучитъ
въ сердцахъ, заглушая славянскіе
звуки.

Въ «Новой Америкѣ» мы имѣ-
емъ своего рода историко - гео-
графическую карту блоковской
Россіи. Поэтъ начинаетъ свое пу-
тешествіе по занесенной снѣга-
ми «убогой, финской Руси». Но
едва разглядѣлъ онъ ея «запы-
лавшія щеки», —

Дальше, дальше... и вѣтеръ
рванулся
Черноземнымъ летя пустыремъ.
Кусть дорожный по вѣтру мет-
нулся,
Словно дьяконъ взмахнулъ ора-
ремъ.

Вотъ и вся она — черноземная,
подлинно-русская Россія: сплош-
ной пустырь, о которомъ нечего
сказать; даже кусть-дьяконъ ед-
ва ли не увъ Андрея Бѣлаго.
Этотъ провалъ славянской, чер-
ноземной Россіи — самое примѣ-
чательное въ національной интуи-
ціи Блока. Въ самомъ центрѣ его
географической карты (вотъ оно,
истинное «оскудѣніе центра») зи-
яетъ черное пятно. Черное пятно
вокругъ Москвы, расплзаясь ра-
діусами на сотни верстъ, предвѣ-
щаетъ близкій провалъ національ-
наго единства: С. С. С. Р.

А ужъ тамъ за рѣкой полно-
водной,
Гдѣ пригнулись къ землѣ ко-
выли,
Тянетъ гарью горючей, свобод-
ной,
Слышны гуды въ далекой дали...
Иль опять это станъ половец-
кій
И татарская буйная крѣль?
Не пожаромъ ли фески турец-
кой
Забуянила дикая степь?

Половецкая, татарская Русь
воскресаетъ на нашихъ глазахъ
буйствомъ заводовъ, царствомъ
Донецкаго угля. —

Черный уголь — подземный
Мессія, —

въ новой Америкѣ встаетъ

старая Орда. Но вѣдь, за хаосомъ огня въ доменныхъ печахъ долженъ стоять строй машинъ, тяжелый порядокъ, — и татарская орда на мигъ является у Блока въ видѣ «буйной крѣпль», предвѣщая евразійскую концепцію Золотоордынской государственности.

5.

Нашъ анализъ оконченъ. Татарская Русь непосредственно приводитъ насъ къ шкату «Куликова поля», изъ котораго мы исходили. Теперь въ немъ нѣтъ для насъ ничего загадочнаго. Мы понимаемъ раздвоеніе лица Россіи, понимаемъ смыслъ измѣны. Единственно—новое для насъ—это «бѣлый» образъ Руси, очерковленный въ вознесенный въ непосредственную близость «Небесной Жены». Со времени Прекрасной Дамы Блокъ не дерзаетъ писать иконописныхъ ликовъ и только здѣсь онъ становится въ религиозное отношеніе къ святой Руси. Въ этой сѣверной Руси нѣтъ ничего финскаго, загадочнаго, колдовскаго. Тамъ страшнѣе и стремительнѣе измѣна.

Другая волнующая черта этого цикла, — его актуальность. Онъ обращенъ къ будущему, а не къ прошлому. Блокъ мысленно стоитъ передъ грядущей революціей, «началомъ высокихъ и мятежныхъ дней», и сознаетъ поведенческую необходимость выбора. Но онъ объективно правъ: образъ Россіи двойся не только въ его предательскомъ сердцѣ, — единой Россіи нѣтъ. Быть можетъ, въ этомъ ея расколѣ объясненіе того, почему родина не могла исцѣлить поэта, не могла научить его вѣрности.

При всемъ социальномъ радикализмѣ Блока, при всемъ отвращеніи его отъ міра «сытыхъ», онъ долго вѣрилъ въ святость «благаго знамєни». Въ октябрьскіе дни 1905 года для него еще кажется прекраснымъ

съ дикою чернью въ борьбѣ
безполезной
За древнюю сказку мертвымъ
лечь.

И въ страшные годы войны онъ еще увѣряетъ: «Я не предаю бѣлое знамя».

Очевидно, революція должна была ощущаться имъ въ своей оргіастической, татарской стихіи. Для поэта исключается вѣрность ей, служеніе ей, — онъ могъ лишь упасть въ нее, утонуть въ ней.

Но революція 1917 года была воспринята имъ не только, какъ русское явленіе. Долгіе годы поэтъ слушалъ въ мірѣ — европейскомъ — подземный гулъ, предчувствуя обвалъ ненавистнаго буржуазнаго міра. Тогда то поэтъ Блокъ сталъ публицистомъ, чтобы уяснить для себя смыслъ надвигающейся катастрофы. Тогда то скопьялась въ немъ огромная разрушительная энергія, которая разрядилась въ созданіи «Скивовъ».

Намъ остается одно: намѣтить генезисъ самаго образа «Скивовъ». Его «Двѣнадцать» — это не Россія. «Двѣнадцать» созданы не по линіи воплощенной родины, а продолжаютъ городскіе, фабричныя, уличныя мотивы «Нечаянной радости». «Скивы» рождаются, несомнѣнно, изъ «Поля Куликова».

Рожденіе это, однакоже, лишено органическаго характера. Въ творчествѣ Блока нельзя найти

зародышей этого образа. Онъ созданъ искусственно, умышленно, и въ этомъ смыслѣ долженъ быть изученъ въ связи съ публицистикой: тема «Крушенія гуманизма». Однако, можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ возникъ этотъ образъ.

Становясь на сторону революціи, Блокъ отдается во власть дикой, монгольской стихии. Но онъ не хочетъ совершать измѣны до конца и обороняется отъ судьбы эклектическимъ образомъ «евразійскаго» смысла.

Да, азіаты мы
Съ раскосыми и жадными глазами.

Но «варварская лира» сзываетъ «на братскій пиръ». Эта лира, собственно, не скисская, а славянская лира, и восходитъ она не только къ Пушкину (какъ самъ образъ скивовъ съ ихъ ритмомъ), а даже къ Жуковскому, «пѣвцу во

станѣ русскихъ воиновъ». Между «мирной лирой» и страстью разрушенія, которая составляетъ подлинный пафосъ поэмы, конечно, невязка, конечно, двуликость. Поэтому - то и взялъ поэтъ этотъ почти мифологическій (сродни кентаврамъ) образъ, что онъ двуликъ: азіатской рожей должно соответствовать славянское лицо. Но это пѣвущее славянство не имѣетъ ничего общаго съ бѣлой Русью Блока. Оно насквозь искусственно, въ своей великолѣпной риторикѣ. Патриотическая муза Жуковского вторитъ въ немъ манифесту Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Поэтому оно не убѣдительно. За то «азиатская рожа» удалась необыкновенно. И перевѣсъ ея свидѣтельствуется о томъ, что начала хаоса, распада, «ущербной луны» побѣдили для поэта на Куликовомъ полѣ.

Е. Богдановъ.

Критическія замѣтки.

ЭМИГРАНТСКОЕ.

Автору этихъ замѣтокъ приходилось скептически высказываться о возможности появленія въ эмиграціи достойной смѣны старшему поколѣнію писателей беллетристовъ. Очень многое мѣшаетъ въ зарубежьи здоровому росту молодого художественнаго дарованія.

Но люди даровитые ищутъ темъ, пишутъ, не слушая разсужденій критиковъ. Литература, какъ все живое, пластична и многообразна. Ростки ея пробиваются и

на неблагоприятной почвѣ и вотъ вотъ готовы разростись на зло хорошо вооруженному доводами скептицизму.

Да, эмигранта писателя окружаетъ жизнь, которая кажется ему экзотикой, которую онъ только видитъ, но не переживаетъ органически. Но вотъ новый писатель, Е. Кельчевскій, не побоялся сдѣлать основой своей книги («Послѣ Урагана») — подлинную экзотику и добился интересныхъ результатовъ.

Странная книга. Ее относить къ числу самыхъ выдающихся рус-